

УДК 811.511.152'367

М.Н. Миронова

Структура мокшанских паремий

Аннотация. В статье рассматриваются мокшанские паремии в структурном отношении.
Ключевые слова: паремия, пословица, структура.

M.N. Mironova

Structure of Moksha paroemias

Summary. The article deals with Moksha paroemias in the structural relation.
Keywords: paroemia, proverb, structure.

У каждого народа с давних времен в речевом обиходе наряду со словами и устойчивыми сочетаниями слов используются и устойчивые фразы, одну из разновидностей которых составляют паремии. Они привлекают говорящих своей семантической емкостью и способностью к употреблению в различных речевых ситуациях и с разными речевыми целями.

Паремическое творчество – один из видов фольклора. Паремика (греч. *paroimia*) – краткое и меткое выражение отдельных мыслей, понятий.

В паремических произведениях заключена оттачиваемая веками народная мудрость, отражающая установки, принципы и правила, связанные с регуляцией поведения, религиозные и мифологические воззрения и т.д. У бесписьменных народов паремические жанры выполняли те же функции, что и литература, философия, наука на высших стадиях развития общества.

Целью нашего исследования стали паремии одного из мордовских языков – мокшанского.

Ранние издания мордовской паремии относятся ко 2-й половине XIX в. (Н. Сталь, 1867; П. Мельников, 1887; В. Майнов, 1885; Х. Паасонен, 1894; А. Шахматов, 1910). Одним из первых исследователей мордовского паремического творчества был К.Т. Самородов. С конца 1990-х гг. изучением паремиологиче-

ских жанров в культурном пространстве мордовского фольклора занимается Г.И. Марченко.

Паремическое творчество мордовского народа включает пословицы: Якшама майсь – козя урожайсь «Холодный май – богатый урожай»; присловья: Сон сась, бѣта вярде прась «Пришел как снег на голову»; Валса – и тязонга и тозонга, а тевса – киц аш козонга «На словах и тут, и там, а на деле – нигде» и др.; поговорки: Кодама товар, стяма питне «Каков товар, такова и цена»; загадки: Шить сокор, веть няи «Днем слепой, ночью все видит» (корожь «филин»).

Самым распространенным видом паремических изречений является пословица. У мордвы, как и у других народов, пословицы создавались главным образом в крестьянской среде. Они возникали из трех основных источников: 1) сочинялись кем-либо как общие суждения, выводы из непосредственных наблюдений над жизнью, трудом и бытом народа; 2) выделялись из фольклорных произведений; 3) заимствовались из литературных произведений в процессе фольклоризации. В зависимости от происхождения пословицы имеют следующие стилевые разновидности: собственно пословицы, приметы, афоризмы, максимы. Чаще всего встречается пословица в широком значении. Она занимает центральное место среди изречений как стержневая форма афористического выражения. Не случайно она

заслоняет все паремические произведения, которые применяются в речи и часто обозначаются этим термином: Шнак пинеть удомста, а баярть – куломста «Хвали собаку, когда спит, а барина – когда умрет»; Мезе тият, сянь и няят «Что посеешь, то и пожнешь» и т.д. Образность в пословицах создается метафорами, метонимией и другими формами иносказательности. Например, в пословицах: Ся енць (ломанць) ви, кона природать одкс тии «Тот ум (человек) силен, который природу обновляет» – образность создана с помощью метафоры.

В зависимости от того, ради какой цели используются и употребляются пословицы, они подразделяются на следующие виды: пословицы-приметы (Лопя прай – сексе сай «Лист падает – осень идет»); пословицы-афоризмы (Эряфсь фалу моли инголи, и кие аф кенери мельганза, ся фалу иляды фталу «Жизнь идет только вперед, и кто не успевает за ней, тот всегда отстает»); пословицы-максимы (Улихть ломатть, конат эряйхть, кода панчфнень еткас палакст: кяждост лама, а цебярьсна аш; синь мяльсна куцемс сембода вяри, а ляткшнихть сембода алу сяс, мес синь или тапасазь, или сязендьсазь «Есть люди, которые живут, как крапива среди цветов: зла в них много, а добра мало; они хотят подняться выше других, но остаются ниже всех»).

К паремическим произведениям относятся также каламбурно-присловичные изречения, или присловья: Сон ваны оржа сельмот (экв.: «Он смотрит в оба»), присловицы: Сон моли тоза, сонцьке аф содасы коза «Он идет туда, сам не знает куда»; прибаутки: Кирдьк прячень, кулят! Азорсь тон улят (экв.: «Терпи, казак, – атаманом будешь!»). Прибаутки являются острыми и забавными высказываниями балагурного характера, употребляемыми либо непосредственно при живом общении, либо в контексте какого-либо жанра для усиления комизма и речевой выразительности.

В свою очередь пословичные виды изречений бывают собственно пословицами – валмуворкст: Мезе тият, сякось няят «Что сделаешь, то и увидишь»; Тев-ки аф содат – карьге аф кодат «Дело не знаешь – и лаптя не сплетешь».

Все виды паремий являются языковыми знаками, так как относятся к языковым единицам, которые имеют план выражения (форму) и план содержания (значение). Научный подход позволяет рассматривать свойства паремий с точки зрения семиотики, тремя аспектами которой являются синтактика, семантика и прагматика [1, 24].

К синтаксическим свойствам паремий мы относим два признака: признак структуры и признак формы. Признак структуры связан со структурной организованностью паремий в виде разного типа предложений и теми признаками, которые характерны предложению вообще. А признак формы включает такие особенности паремий, как краткость, лаконичность и ритмичность. Рассмотрим признак структуры как синтаксическое свойство паремий.

Паремии обладают структурной организацией в виде предложения и относятся к синтаксическим единицам, потому что, во-первых, они являются одним из средств формирования, выражения и сообщения определенной мысли, передачи эмоций и чувств человека. Во-вторых, выполняют коммуникативную функцию, так как являются одним из средств общения людей. И, в-третьих, им свойственны такие признаки предложения, как смысловая, структурная, грамматическая и интонационная завершенность, синтаксическая предикативность и коммуникативная задача [2, 84–85].

В структурном отношении мокшанские паремии могут представлять из себя предложения простые (Тундять цебярец сексенда содави «Доброту весны узнаешь осенью») и сложные (Нармонць азорндай кожфса, калсь – ведьса, а ломанць – сембе светса «Птица хозяйничает в воздухе, рыба – в воде, а человек – везде»).

По составу простые предложения могут быть двусоставными (Кизось работай тялоти, тялось – кизоти «Лето работает на зиму, зима – на лето» – обе предикативные части сложного предложения двусоставные) и односоставными (Ломань масторса кизонданга кельме «На чужой стороншке и летом холодно»). В основном являются повествовательными предложениями: Природать пэфтома вийц, а ломанть –

енец «Человеческий разум – самая могучая сила природы» [3, 24].

В свою очередь паремии могут быть представлены и в виде сложных предложений – сложносочиненных: Оджсхись аф мърдафтови, а сирешись фалу сатови «Молодость не вернешь, а старость сама придет»; сложноподчиненных: Сяфть ървья, штоб аф каендамс, эрямс да аф маендамс «Выбери жену, чтоб не каяться, жить в любви да не маяться»; бессоюзных: Кизось работай тялоти, тялось – кизоти «Лето работает на зиму, зима – на лето» и т.д. Исследователи отмечают, что в паремиях в виде полного, законченного предложения свое формальное выражение получают все члены предложения [4, 452–453]. Так, в паремии Мирдсь и ървьясь – фкя кевонь толхт «Муж и жена – искры одного кремня» присутствуют однородные подлежащие, выраженные именами существительными и соединенные сочинительным союзом, и сказуемое, выраженное именем существительным во множественном числе. Смысл и понимание полных предложений-паремий не обусловлены контекстной и речевыми ситуациями. Так, смысл паремии Мирдсь и ървьясь – фкя кевонь толхт «Муж и жена – искры одного кремня» понятен и вне контекста: дело, которое выполняют супруги, идентично, что соответствует русской паремии: муж и жена – одна сатана, т.е. значение паремии можно вывести и без контекста, что у каждой семейной пары есть и недостатки, и положительные качества. В неполных паремиях-предложениях пропущен один или несколько его членов (главных или второстепенных), но, несмотря на это, они не нуждаются в «восстановлении» недостающих слов. Такие предложения, как известно, называют эллиптическими. В них неполным, незаконченным является не смысловый объем, а грамматический состав, легко восстанавливающийся из контекста или речевой ситуации, из частей сложного предложения и восполняющийся репликами диалога и т.д.: Урозонь сельмоведь – пи́ди палакс «У сиротинушки слеза – что крапива жгучая»; Идь мархта – мяляфкс, идьфтома – пеняфкс «С детьми – забота, без детей – печаль». На

месте пропущенных членов обычно ставится тире. Структурная неполнота придает высказыванию сжатость, делает его более компактным и усиливает смысловую емкость. К признакам паремий как предложений относится также предикативность. Предикативность паремий проявляется при употреблении их в речи, когда паремическое значение соотносится с тем или иным референтом. Когда же паремия отделяется от контекста, «изымается» из речевой ситуации и существует в памяти носителей языка «в режиме ожидания», то ее предикативность приглушается [5, 105]. Следовательно, паремия наделяется предикативностью в соответствии с речевым намерением говорящего. Так, говорящие регулярно используют паремии, которые в узуальном варианте описывают нормы, типичные ситуации, для сообщения о единичных, конкретных положениях дел: Од тяльмось сядя аруста тья «Новая метла чище метет». Основной вариант паремии Новая метла чисто метет «человек, заменивший кого-либо в должности, ставший новым начальником, особенно старателен, требователен, придирчив». Но данная паремия может выступать как средство выражения иной мысли, что проявляется отчасти в лексическом варьировании паремии: вариант сядя аруста «чисто» заменен на одста «по-новому», т.е. старательно, качественно, с большей самоотдачей и т.д. Функционируя в виде предложений, паремии, благодаря своей предикативности, обладают коммуникативной задачей, тип которой зависит от ситуации общения, контекста. Коммуникативная задача в паремии выражается интонацией и порядком слов. Здесь речь идет также об актуальном членении или темо-ремных отношениях внутри паремии. Например: Шабат шачфтат-касфтат и нового, того, что утверждается, что требуется выполнять, делать, как следует поступать («фалу мяльге сафтат»), например, в паремии Шабат шачфтат-касфтат – фалу мяльге сафтат «Детей родить-вырастить – надо и внимательным к ним быть»; Ванфтыть иттнень, кода эсь сельмотнень «Береги детей, как свои глаза». Этому способствует такое

грамматическое средство выражения предикативности, как повелительное наклонение. В приведенных паремиях описываются ситуации, либо совпадающие с моментом речи, либо нацеленные на их реализацию в будущем и относящиеся к собеседнику с коммуникативной задачей побуждения к определенному

действию. Таким образом, признак структуры как синтаксическое свойство паремий связан с функционированием паремий в виде предложения и обладает такими характеристиками предложения, как смысловая, структурная, грамматическая и интонационная завершенность, синтаксическая предикативность.

Литература

1. Матвеева Г.Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. Ростов-н/Д., 1999.
2. Русская грамматика. Т. 1. Морфология. Т. 2. Синтаксис / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: АН СССР, Наука, 1980. Т. 1. 783 с.; Т. 2. 709 с.
3. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. 277 с.
4. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 811 с.
5. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический стереотипы. Ростов н/Д.: Ростовский университет, 2002. 240 с.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2005. 734 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический стереотипы. М., 1996. 288 с.
8. Шведова Н.Ю. Предложение // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 395–396.

References

1. Matveeva G.G. Diagnostirovaniye lichnostnjh svojstv avtora po ego rechevomu povedenij. Rostov-n/D., 1999.
2. Russkaja grammatika. T. 1. Morfologia. T. 2. Sintaksis / pod red. N.Yu. Shvedovoj. M.: AN SSSR, 1980. T. 1. 783 s.; T. 2. 709 s.
3. Mordovskije poslovize, prislovizje i pogovorki. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1986. 277 s.
4. Starichenok B.D. Bolshoj lingvisticheski slovar. Rostov-n/D.: Feniks, 2008. 811 s.
5. Savenkova L.B. Russkaja poremiologia: semanticheskij b lingvokulturologicheskij stereotipe. Rostov-n/D., 2002. 240 s.
6. Dal V.I. Poslovicy russkogo naroda. M., 2005. 734 s.
7. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij stereotipe. M., 1996. 288 s.
8. Shvedova N.Yu. Predlozhenije // Lingvisticheski anzhiklopedicheskij slovare. M.: Sov. anzhiklopedija, 1990. S. 395–396.